

Васька-пьяница и Кудреванко-царь (5)

Да уж как плыли туры через океан-морё,
Выплывали туры да на Буян-остров,
Они шли по Буяну, славному острову.
Им настречу — турица златорогая,
Златорогая им турица одношорсная,
Уж как та — ихна матушка родимая.
Говорила тут турица златорогая,
Говорила турица таково слово:
«Уж вы з[д]растуйте, туры вы златорогие,
Златороги туры вы одношорсные!
Уж вы з[д]растуйте, деточки родимые!
Уж вы где-ка, туры, были, где вы побыли?»
Говорят тут туры да златорогие:
«Уж ты здрастуй, наша матушка родимая,
Уж ты та же турица златорогая,
Златорога турица одношорсная!
Уж мы были где, маменька, во Шахове,
А служили мы, родимая, во Ляхове,
Крашон Киев-от мы город тот в полночь прошли.
Только видели мы в Киеви чудо чудное,
Чудо чудное видели — диво дивное:
Как из той же нонь было Божьей церкви,
Как из тех же дверей было черковных-е,
И-за той было стены ведь городовое,
Как из тех же ворот было широких-е
Выходила тут душа да красна девица,
Выносила Святу Книгу на буйной главы.
А спускалась она да под круту гору,
Забродила в синё морё в полколен воды,
Она клала Святу Книгу на Алтын-камень,
А читала Святу Книгу — слезно плакала,
А сама говорила таково слово:
„А у нас-то во городи-то Киеви —
А про то не знат нехто, ноньче не ведаёт! —
А зло несчасьцо, брацьци, состоялосье,

Безременьё велико постречалосе:
Подошол под Киев-город Кудреванко-чарь
Он со тем сам со зятёлком, племянником,
Он со тем же со зятёлком любимым-е,
Он со тем со племянником с родимым-е.
А у зятёлка — много силы, множесьво,
У пле[мя]нницька силы — три тысици,
У самого Кудреванка — цисла-смёту нет:
От того нонь от пару лошадиного
А поблёлкло-помёркло красно солнышко,
От того где-ка духу-ту тотарьского
Потемнела ведь луна да вся небесная!"»
Говорит тут туриця златорогая:
«Уж вы глупы туры, вы туры малыя!
А не душа выходила красна девица —
Присвята Мати Божья Богородиця;
Выносила она Книгу на буйной главы,
А спускалась она ведь под круту гору,
Она клала Святу Книгу на Алтын-камень,
А читала Святу Книгу, слезно плакала,
А сама говорила таково слово:
„А у нас-то во городи-то Киеви —
(А про то не знат нехто ноньче, не ведаёт!)
А зло несчасьицё, братьци, состоялосе,
Безременицё велико постречалосе:
Подошол под Киев-город Кудреванко-чарь!"»
А и становилса Кудреванко на чистом поли,
Становил он шатры белы полотняны:
И полотно под им — земля да подгибаицьсе.
Становил он столы новы дубовые,
Он садилса на стульё на ременьчато,
Он писал ёрлоки да скорописьчаты.
Не на ербовом писал листу бумажечки,
Не пером он писал их, не чернилами —
На атласе он писал, на плиси-бар[х]ати,
Он писал ёрлуки да красным золотом:
Он и просит у князя супротивника.
Написал ёрлуки он скорописьчаты —
Посылал он гоньця да в стольне Киев-град

Он везти ёрлуки да скорописьцяты,
Посылал он гоньця да скоро-наскоро.
Тут и седлал где, уздал гонець добра коня —
Он садилса, гонець, да на добра коня,
Он поехал, гонець, да в стольне Киев-град,
Он повёз ёрлуки да скорописьчаты.
Тут и приехал гонець да в стольне Киев-град
Ко тому где ко князю к широку двору;
Установил он коня да ко красну крыльцю,
Ко красну крыльцю поставил, к дубову столбу;
Привязал он коня да к золоту кольцю.
А пошел тут гонець да на красно крыльцё,
Проходя идёт гонець да по новым сеням,
Проходя идёт в грыни княженецькие,
Ёрлуки кладёт на стол — да и сам вон идёт.
Увидал князь ёрлуки да скорописьчаты,
Увидал ёрлуки — он приужакнулса.
Он и брал ёрлуки их во белы руки,
Он смотрел ёрлуки — сам призадумалса,
Стал читать ёрлуки — он приросплакалса:
«А у нас нонь во городи-то Киеви
А боґатырей у нас в доми не случилосе:
А розъехались они все во чисто полё!»
А у нас-то во городи во Киеви
А у нас у ласкова-та князя Владимирера
А собиралось пированьицё, почесьён пир,
А про многих про князей, про многих бояров,
А про тех про купцей-людей торговых-е.
Уж как пир-от идёт нонь навесели,
Уж как день-от идёт да день ко вечору,
А красно солнышко катицьсе ко западу,
А ко западу красное, ко закату —
Уж как все на пиру да пьяны-весёлы.
А Владимир-князь по грынюшки погуливат,
Горючима слёзами умываицьсе,
Тонким беленьким платочком утираицьсе.
Говорил тут Владимир таково слово:
«Уж вы ой еси, князья, мои бояра,
Уж как те же купьчи-люди торговые!»

А у нас-то ведь во городи-то Киеви
А зло нещастьице, брачьчи, состоялось,
Безременье велико посречалосе:
Подошел под Киев-город Кудреванко-чарь
Он со тем же со зятёлком, племянником,
Он со тем же со зятём со любимые,
Он со тем со племянником с родимым-е.
А у зятёлка — много силы, множесьво,
У племянницька силочки — тры тисичи,
У самого Кудреванка — числа-смету нет!»
Отказалисе князя, ёго бояра,
Уж как те же купчи-люди торговые:
«Мы не можом со князём думу думати.
Мы не можом со князём мысли мыслити!»
А у нас опять во городи во Киеви
А у князя у ласкова Владимира
Собиралось пированьице, почесьён пир,
А про тех про хресьян, людей рабочих-е.
Уж пир-от идёт-то нонь навесели,
Уж как день-от идёт да день ко вечору,
А красно солнышко катицьсе ко западу,
А ко западу солнышко, ко закату —
Ище все на пиру да пьяны-весёлы.
А Владимир-князь по грынюшки погуливат,
Горючима слёзами умываицьсе,
Тонким платочком подтираицьсе.
Говорит тут князь Владимир таково слово:
«Уж вы ой еси, хресьянушка прожитосьни!
А у нас-то во городи-то Киеви —
А про то нехто не знаёт, нонь не ведаёт! —
А зло нещасьице, брацьци, состоялось,
А безремень[и]це велико посречалосе:
Подошел под Киев-город Кудреванко-чарь
Он со тем же со зятёлком, племянником.
А у зятёлка — много силы, множесьво,
У пле[мя]нника силочки — три тысичи,
У самого Кудреванка — числа-смёту нет!
Пособите вы мне, князю, думу думати!»
И-за того где стола было окольнёго

Выставаёт тут удалой доброй молодець,
Ох, не прбвелик детинушка — плечьми плечист.
И сговорит тут детина таково слово:
«Уж ты ой еси, Владимир, князь стольне-киевьской!
У нас есь во чистом поли украинка,
У нас есь на украины чарев кабак,
У нас там в кабаки — Васька, низка пьяница,
Он ведь пьёт тут ведь, Васенька, три месеча!»
А зрадовалса князь Владимир стольне-ки[e]вьской:
Одевал-обувал он сапожки на босу ногу,
Одевал кунью шубу на едно плечо —
Он бежал во чисто полё на украинку.
Прибежал он во чисто полё на украинку,
Заходил он ведь в этот нов чарев кабак.
А и тут лёжит Васька на печки на муравлёной:
Он рогозонькой, Васенька, закуталса,
А в зголовьях-то у Васьки сер-горюч камень.
Говорит тут князь Владимир таково слово:
«Уж ты ой еси, Васька, низка пьяница!
Ты пожалуй ко мне, Вася, на почесьён пир
Уж ты хлеба ле, соли ко мне кушати!»
И говорил тут Василей таково слово:
«Уж ты ой еси, Владимир, князь стольне-ки[e]вьской!
Я не могу где встать и головы поднять:
Потому у мня болит да буйна голова,
А шипит у мня, ноёт ретиво серьцё!»
Говорит тут Владимир таково слово:
«Уж ты ой еси, чумак нонь, чоловальничок!
Ты налей-ко-се чару зелена вина,
Ты подай-ко-сь Васьки, низкой пьяници!»
А на то где чумак да не ослушалса:
Наливал он эту чару в полтора ведра.
А слезывал Васька со печки со муравлёной,
Выпивал эту чарочку всю досуха —
Заскочил упеть на печку на муравлёну,
Он рогозонькой опять и приокуталса.
Говорил тут Владимир таково слово:
«Уж ты ой еси, Васька, низка пьяниц[ч]я!
Ты пожалуй ко мне, Васька, на почесьён пир

Уж ты хлеба ле, соли ко мне кушати,
А гусей, белых лебедей порушати!»
Говорит тут Васька, низка пьяница,
Говорил тут Василей таково слово:
«Уж ты ой еси, Владимир, князь стольне-ки[е]вский!
Я не могу ведь стать и головы поннять,
А ти потому: у мня болит буйна голова,
Ише ноёт-шипит да ретиво серьцё!»
Говорил тут князь Владимир таково слово:
«Уж ты ой еси, Васька, низка пьяница!
Слезывай, Васька, со пецьки со муравлёной,
Ты поди, Васька, за стойку белодубову,
Поди пей-ко-се вина — сколько те хочётся!»
А тут и Васенька скакал — аки сокол слетал,
Заходил Васька за стойку белодубову.
Нацедил Васька чарочку тут вторую —
Выпивал эту чарочку всю досуха.
Нацедил Васька чарочку тут третьюю —
Выпивал эту чарочку всю досуха.
Нацедил Васька чарочку четвёртую —
Он поставил ей на стойку белодубову.
Выходил тут Васька на чарев кабак,
По чарефу кабаку он стал погуливать:
А ти тут дубовы половици подгибающьсе,
Со краю на край чарев кабак шатаицьсе,
Э да во боцьках зелено вино колыбаичсе.
А говорил тут князь Владимир таково слово:
«Уж ты ой еси, Василей, низка пьяница!
А ты пожалуй ко мне да на почесьён пир
Уж ты хлеба ле, соли ко мне кушати!»
И говорит тут Василей таково слово:
«Уж ты ой еси, Владимир, князь стольне-киевской!
Я не мóгу со князём думы думати,
Я не мóгу со князём мысли мыслети —
Потому у мня нету платья цветного,
Потому у мня ведь нет ноньче добра коня,
Потому у мня нет сбруи лошадиное,
У мня нет всей сбруи богатырьское —
У мня нет ноньчи сабельки-то вострое,

У мене нету копейця-та булатного,
У мене нету ведь палици боёвое,
У мене нет ноньче лука-та ведь крепкого
Со тема ёго с тетивками шелковыма,
Со тема же со стрелками калёныма:
У мян пропита чумаку всё, чоловальнику,
У мян всё где со всем в тритцети тысичах!»
Ах, говорил тут Владимир таково слово:
«Уж ты ой еси, чумак, наш чоловальничок!
Ты отдай возьми Васьки всё безденёжно —
Заплачу я тибѣ деньги со покорносью!»
А на то где чумак не ослушалса —
А выносил Васьки платычѣ-то цветноѣ,
Выносил он всю сбрую богатырьскую:
Он выносил Васьки сабельку-ту вострую,
Выносил он копейчѣ брусоменьчато,
Выносил он ведь паличу буёвую,
Выносил он всю сбрую лошадиную,
Выводил он ведь Васьки и добра коня.
А снарежалса тут Васька в платье в цветноѣ,
Он надел на себя всю сбрую богатырьскую.
Говорил тут князь Владимир таково слово:
«Ты пожалуй ко мне, Вася, на почесьѣн пир
Уж ты хлеба ле, соли ко мне кушати!»
И говорит тут Василей таково слово:
«Уж ты ой еси, Владимир, князь стольне-киевьский!
Мне не хлеба ле, соли хочицьсе кушати —
Мне-ка надобно ехать во чисто полѣ,
Мне-ка надо бить силу-рать великую!»
Выпивал он ету чарочку четвѣртую —
Он стал-де срежацьсе во чисто полѣ.
Он седлал-де, уздал да коня доброго,
Он садилса, Василей, на добра коня —
Он поехал, Василей, во чисто полѣ,
Он доехал, Василей, до белых шатров.
Вынимал он из-за налучья свой крепкой лук,
Он натягивал тетивочку шолковую,
Он накладывал стрелочку калёную —
Он стрелял, Кудреванка, во белом шатри.

Он сострелил, Кудреванка, во белом шатри —
Он тогда поехал бить силу-рать великую.
Он куда, Васька, едёт — валит уличей,
Поворотицьсе куда — переулочком.
Он ведь много прибил да силы, множесьво.
Он тогда где поехал ко белым шатрам;
Он соскакивал где, Васька, со добра коня,
Он спустил коня пшеницю исть белоярову —
Он ведь пошел где, Васенька, в белой шатёр.
Заходил тут ведь Васька во белой шатёр,
Говорил тут ведь Васька таково слово:
«Уж вы з[д]растуйте, зятёлко, племянницёк!
Уж вы з[д]растуйте, пановья-й-улановья!
Уж вы ой еси, пановья-й-улановья!
Вы подите тепере в стольне Киев-град —
Уж вы грабьте кнезей да ноньче бояров,
Уж вы тех же купьчей-людей торговых-е;
Уж вы грабьте у их да золоту казну —
Не ворошите только князя-та Владимирера,
Уж вы той-де кнегиной-то Опраксеи!»
А тут пошли где-ка пановья-й-улановья,
А пошли они грабить стольне Киев-град.
А приходят они да стольне Киев-град —
Они грабят купьцей да князьей-бояров.
Они множесьво награбили золотой казны
Да пошли упять да во чисто полё.
Они приходят упеть да ко белым шатрам —
(Они много принесли ведь золотой казны!)
Они стали делить да золоту казну.
Они стали делить ей промеждú собой —
Не дают они Васьки, низкой пьяници.
Говорят тут ведь зятёлко, племянничёк:
«Уж вы ой еси, пановья-й-улановья!
А в(ы) науки-то у вас-то был Васька больше всех,
А тепере у вас Васьки и паю нету!»
Говорят тут ведь пановья-й-улановья:
«А тепере у нас Васенька — у нас в руках!»
Да тут ето Васьки за беду пришло,
За велику за досаду показалосе:

Ёго ясны-ти оци сомутилисе,
Богатырьско ёго серьцё розъерилосе,
Он скакал тут ведь, Васька, на резвы ноги,
А хватил он тотарина-та за ноги,
Он ведь зачал тотарином помахивать.
Он куда махнёт, Васька, — валит уличей,
Повор[от]итсэ куда — да переулочки.
Он прибил всех тотар да нонь до едного,
Он убил етих зятёлка, племянника,
Он и взял с собой ведь ету золоту казну.
Он седлал-уздал тогда, Васька, добра коня,
Он поехал тогда, Васька, в стольне Киев-град.
Он ведь едёт, Василей, в стольней Киев-град,
Тут приехал Василей в стольне Киев-град
Ко тому он ко князю к широку двору.
Тут соскакивал Василей со добра коня —
Он поставил коня да к дубову столбу,
Привязал где коня да к золоту кольчу.
А стречал ёго Владимир, князь стольне-киевьской —
Он ведь нёс ёму подарочки не маленьки,
Он ведь нёс ёму много злата-серебра,
Он ведь нёс ёму всяки вещи разныя.
Не прымат тут Василей злата-серебра,
Не прымат он вещей етих разных-е.
Он просил-де у князя-та такой приказ:
«Уж ты дай мне, Владимир-князь, такой приказ,
Щобы пить по кабакам вино безденёжно!..»
Тут ведь дал Владимир-князь такой приказ —
Да ище пить по кабакам вино безденёжно.

(Зап. А. Д. Григорьевым 27 июля 1901 г.: д. Кильца Погорельской вол. — от Чупова Ивана Алексеевича, ок. 30 лет.)

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым
в 1899—1901 гг. Т. 3: Мезень. СПб., 1910.